

UOT 82

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ БОРИСА АКУНИНА**Севиндж Гасан гызы АЛИЕВА***старший преподаватель
Бакинского Славянского Университета*

f.seva79@mail.ru

РЕЗЮМЕ

Огромный цикл романов о гениальном сыщике XIX столетия Фандорине и других произведениях развлекательно-занимательный ракурс повествования является лишь интригующим читателей началом. Центр тяжести падает на проблематику, в которой воплощаются принципы истинной высокой морали и проявляются в возвращении к лучшим эстетическим ценностям. Сюжет произведений Б. Акунина усложняется многочисленными символами и соответствующими приемами.

Писатель мастерски работает с древними ритуалами, символическими аллюзиями и воспоминаниями. В сакральные знаки превращаются письма, расшифровка которых приводит к поиску убийц; тайной окутаны действия центрального героя, но в конце романов туман рассеивается, и загадочное предстаёт как явь, как живая реальность.

Ключевые слова: символ, библейские мотивы, Япония, традиция, культурно-эстетические архетипы.

BORIS AKUNININ ƏSƏRLƏRİNDƏ MİFOLOJİ SİMVOLLAR**XÜLASƏ**

XIX əsrin dahi dedektivi Fandorin haqqında yazılmış böyük silsilə romanlar və başqa əyləncəli təhkiyyə rakursu, oxucularda xüsusi marağın yaradılması üçündür. Əsas ağırlıq mərkəzi, həqiqi əxlaqın prinsiplərinin canlandığı və ən mükəmməl estetik dəyərlərə qayıdışı manifesti, problematikaya düşür. Eyni zamanda B.Akuninin əsərlərinin süjeti çoxsaylı simvollar ilə mürəkkəbləşmişdir. Yazıçı böyük məharətlə qədim rituallar, simvolik allüziyalar və reministsensiyalardan istifadə edir. Baş qəhrəmanın hərəkətləri böyük sirrlə əhatə olunur, yazıların, şifrələrin açılışı caninin axtarışına gətirir, lakin əsərin sonunda duman aydınlaşır və hər bir gizli məqam reallıq kimi görsənir.

Açar sözlər: simvol, biblia motivləri, Yaponiya, ənənə, mədəni və estetik arxetiplər.

MYTHOLOGICAL SYMBOLS IN THE WORKS OF BORIS AKUNIN**SUMMARY**

The huge cycle of novels about the ingenious detective of the XIX century Fandorin and other works of entertaining and entertaining aspect of the narration is only an intriguing beginning of the readers. The center of gravity falls on the problematic, in which the principles of truly high morality come to life and manifests a return to the best aesthetic values. The plot of the works of B. Akunin is complicated by numerous symbols and corresponding techniques. The writer masterfully operates with ancient rituals, symbolic allusions and reminiscences. Letters turn into sacred signs, decoding of which leads to the search for murderers; the actions of the central hero are shrouded in mystery, but at the end of the novels the fog dissipates, and the mysterious appears as a reality, a living reality.

Keywords: symbol, biblical motifs, Japan, tradition, cultural and historical archetypes.

Борис Акунин является одним из ярких примеров, опровергающим утверждение об угасании литературы, на современном этапе и поднимающим массовую литературу на более высокий уровень. Творчество Акунина занимает место в поле беллетристики, но его развлекательные литературные проекты демонстрируют, что художественное произведение может совмещать занимательность сюжета и глубину содержания, стилизацию и актуальностью идеи, соблюдение правил игры постмодернизма и индивидуальные авторские приемы. Именно Борис Акунин одним из первых доказал, что популярный, растиражированный автор - не обязательно плохой писатель. Его творчество не только привлекает внимание широкого круга читателей, но и вызывает интерес у критиков и литературоведов.

Помимо ярко выраженной исторической составляющей вышеуказанных романов Акунина, читатель может обнаружить такой интересный пласт, как символично-мифологический. Он пронизывает многие романы о Фандорине. Как нам видится, чаще всего писатель предпочитает символизировать библейские мифы. Покажем это на примере романа «Азазель». Известно, что в иудаизме Азазель является демоническим существом. В Библии он включён в контекст символического ритуала под названием «День искупления». Грехи народа в этот день принимали на себя два козла. В этом необычном ритуале не было ничего ироничного; один козёл (он же, как в поговорке – «козел отпущения») являлся искупительной жертвой Яхве, другой предназначался Азазелю.

Акцент Акунина на символику ритуалов или древних обрядов усиливается, когда в одной из апокрифических частей «Азазеля» («Книга Ено-

ха») главный герой выступает в роли падшего ангела, поднявшего против Бога мятеж. Азazelь как мифическое существо, безусловно, напоминает нам Каина. Но в отличие от подлинника в Библии и даже байроновской трактовки, в романе Акунина он совратитель человечества, негативный герой, который мужчин научил искусству войны, а женщин – процедуре вытравливания плода, что является актом безнравственности, враждебного Богу.

Миф об Азазеле для Б. Акунина – это способ создать в романе особый, символический мир, в котором царят законы террористической организации, мечтающей захватить бразды правления в свои руки и перевернуть мир. Это тот условный мир, на котором строится все романное повествование, а главный герой должен раскрыть истинное «лицо» и замысел организации. Характерно, что не только обряды и ритуалы могут составлять условный мир в романах Акунина. В некоторых из них даже предметы нематериального мира мастерски символизируются.

Например, Левиафан в Ветхом Завете соотносится с морским чудовищем (китом). Контекстуальное значение Левиафана в одноименном романе – это символический чудо-корабль, результат научно-технического прогресса, где достижения современной техники сочетаются с комфортом. Огромные размеры корабля в открытом море вызывают у читателя ассоциации морского кита из Библии. Недаром золотая эмблема корабля с изображением кита, найденная комиссаром Гошем на месте преступления, стала причиной того, что сыщику стали сниться кошмарные сны: Для комиссара эти сны оказались вещими. На борту корабля, где Гош расследует «преступление века», его убивают, чтобы замести «следы» преступления. Чудо-корабль «Левиафан» оказывается для комиссара монстром, символическим прообразом «чудовища» поглотившего его в безбрежном океане» (1, с.109).

Далее, в романе «Смерть Ахиллеса» также присутствует символикотомифологический дискурс, связанный с греческим мифом об Ахиллесе – одним из наиболее прославленных героев Троянской войны. Как и древнегреческий герой, Михаил Соболев показан, как прославленный полководец, прозванный Ахиллесом из-за большого количества блестящих побед в Плевне и Туркестане. Таким образом, само имя Ахиллеса становится знаковым. Это – прообраз силы, мужества и непоколебимости. После многочисленных побед в сражениях его стали называть «неуязвимым Ахиллесом», которому не страшны никакие сражения. Но, как и у древнегреческого героя, у Белого Генерала была своя «ахиллесова пята»; он был большим поклонником прекрасных дам. Начиная представлять реальную угрозу для царя-императора, был приговорен тайным императорским судом к смерти. Любимое вино генерала, отравленное сильно

действующим ядом, которое преподносит дама, есть причина смерти генерала в романе.

В том же символическом ключе дан и образ Эраста Фандорина в романе «Любовник Смерти». Сыщик здесь сравнивается с Одиссеем Гомера. Подобно древнегреческому герою, он спускается в пещеру подземелья Хитровки и сражается там с Циклопом, а именно с Будочником, хозяином Хитровки, предавшим закон и ставшим хладнокровным убийцей. Но Хитровка – это общеизвестный в российской истории конца XIX столетия пункт сбора воров и грабителей. Вновь нам хотелось бы провести параллель с теми произведениями, в которых реальные события теряют всяческий символический смысл. Прежде всего, укажем на знаменитый роман В.А. Гиляровского «Москва и москвичи» (3, с.347). В нём описывается встреча московского сыщика с «Некоронованным королём Хитровки», в результате чего выясняется, «чи люди брали Ризницу». Но у Гиляровского всё описание даётся в мрачных и строго реалистических тонах. Никаких сравнений или сопоставлений с героями прошлого, как нет авторских комментариев, цитат из других произведений и т.п. У Акунина те же самые исторические события подаются совершенно в ином свете. В поединке с вымышленным Будочником сыщик одерживает верх и выходит на свет целым и невредимым. В отличие от реальной истории Хитровки, здесь также в символическом аспекте Акуниным дано явление Бога, причём, оно связано с многоликостью истин, развенчивающих былые представления и знания о нём. Крест, на котором был распят Христом, как и его безгрешная жизнь подвергаются сомнению. (Для сравнения: в «Маятнике Фуко» У. Эко устами одного из персонажей читателю предлагается аналогичная версия: «Значит, Иисуса, всё ж не распяли, поэтому-то тамплиеры и оспаривают, собственно говоря, крест – как символ. И не Грааль, но Иисуса самого увезли во Францию, где он укрывался у каббалистов» (4, с.72).

Итак, с какой же целью Акунин обращается к произвольному толкованию библейских и древнегреческих мифов? В план художественный (детектив, приключения, путешествия, одним словом, современный жанр «фэнтези») входит семиотический. Тем самым создаётся сложный синтезированный мир, нагруженный скрытыми дополнительными смыслами, в которых зашифрована авторская картина мира. Читателям же предлагается от эпизода к эпизоду разгадывать очередные филологические загадки. Вот так герои, находясь, образно выражаясь, в окружении символических объектов, на протяжении хода романа истолковывают, разгадывают знаки, чтобы прийти к истине и раскрыть загадку чудовищных злодеяний, обрушившихся на аббатство.

В «Статском советнике» Грин, выполняющий функции сыщика, пытается расшифровать анонимные записки, подбрасываемые Боевой

Группе, в которых аноним подталкивал нигилистов к очередному террористическому акту. Грин, не сумев расшифровать имя адресата, в конце концов, погибает. Важно отметить, что Фандорин предстаёт не вполне классическим сыщиком, безошибочно сопоставляющим улики, - он семиотик, новый тип сыщика, который, кстати, в своё время выдвинул У. Эко. А о творческих заимствованиях Акунина отдельных художественных приёмов своего итальянского коллеги мы уже в работе сказали немало.

Расшифровка знаков – стойкий и часто повторяющийся в романах Акунина приём. Например, герои в интересах дела устраивают маскарад, и каждая, даже малая деталь внешности становится символически значимой. Эраст Фандорин использует накладные бакенбарды как знак принадлежности к высшему сословию. В таком виде он проникает в клуб «Любовники смерти», назвавшись именем японского принца, искателя острых ощущений Гэндзи. Члены некоторых клубов, подобно приключениям принца Флоризеля из известного романа Стивенсона, убивают друг друга согласно плану, ими разработанному. Правда, убийство «выглядит» в глазах света либо как несчастный случай, скоропостижная смерть, либо как самоубийство. Фандорин на протяжении своего пребывания в одном из таких клубов разгадывает смысл таинственных знаков, посылаемых «любовникам» в целях предотвращения очередного преступления. То что для всех в предсмертных письмах молодых поэтов - молчащие предметы, мелочи, не говорящие ни о чем: «Странно еще, что посланец в белом плаще в ту ночь приснился, только двое из них. Правда, судя по предсмертному стихотворению, незнакомец, привидевшийся юноше, был суровым, черноглазым и прибыл нормальным порядком, через дверь; девушке же приснился некто со светлым взором, да и предпочел окно» (2, с. 292), для Фандорина – говорящие знаки, приведшие сыщика к преступнику. Разгадав коды, сыщик и обнаружил убийцу. Им оказался председатель «клуба самоубийц» – сеньор Просперо. Как и принц Флоризель, Фандорин вершит правосудие.

Ярко выражен символический элемент и в романах с японской тематикой. Надо полагать, введение в сюжетную ткань произведений данной тематики не составило для Акунина большого труда. Так, Б. Акунин, как и его любимый персонаж, знаток восточной философии, которую оба успешно применяют в своей деятельности. Первой супругой писателя была японка, многому его научившая. Возлюбленной Фандорина в Июкогаме была японка О-Юми, научившая его тайнам мастерства древних синоби.

В японской тематике символика ясно даёт о себе знать посредством использования Акуниным национальных ритуалов, совершенно непривычных для людей иной народности. Например, в безвыходных ситуациях сыщик использует искусство так называемых «японских крадущихся»,

которому научился в Японии у древнейшего клана ниндзя. Для того чтобы избежать смерти от рук террористов и спрыгнуть со стены высотой в 50 саженей, статский советник вынужден применить трюк под названием «Полет ястреба» (роман «Статский советник»), который считался высшей степенью мастерства у «крадущихся».

Б. Акунин, применяя в большом количестве в своих романах восточную, точнее, японскую философию и символику, как точки опоры для главного героя, заметно адаптирует их, даёт в легкодоступной форме, апеллируя к интересу как интеллектуального читателя, так и массового.

Все вышесказанное позволяет нам сделать вывод, что Б. Акунин, намеренно стилизуя свои повести и романы в духе современных течений и направлений с одной стороны, классиков, - с другой, добивается большой славы и широкой популярности, как ортодоксальный автор детективов. Было показано, что в ряду современных представителей этого жанра он занимает особое место. Огромный цикл романов о гениальном сыщике XIX столетия Фандорине и других произведениях развлекательно-занимательный ракурс повествования является лишь интригующим читателей началом. Центр тяжести падает на проблематику, в которой оживают принципы подлинно высокой нравственности и манифестирует возврат к лучшим эстетическим ценностям. При этом собственно детективная сюжетная канва произведений Б.Акунина осложнена многочисленными символами и соответствующими приёмами. Писатель мастерски оперирует древними ритуалами, символическими аллюзиями и реминисценциями. В сакральные знаки превращаются письма, расшифровка которых приводит к поиску убийц; тайной окутаны действия центрального героя, но в конце романов туман рассеивается, и загадочное предстаёт как явь, живая реальность. Параллельно с тем в возвращении читателя к классике посредством использования реестра символов и заключается важная миссия романов Акунина.

Литература:

1. Акунин Б. Левиафан. М.: Захаров, 2002
2. Акунин Б. Любовник смерти. М.: Захаров, 2002
3. Гиляровский В.А. Москва и москвичи. Роман. Минск.: Народная асвета, 1989
4. Эко У. Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике. СПб: Симпозиум, 2006.